

Соб. Белоруссия. - Минск. - 1991. - 18 июля
Владимир ШАКАЛО:

«...Если не актером, то служителем божьим»

В лицо этого человека я знаю лет пятнадцать—двадцать. Его фамилию устойчиво помню почти столько же. А вот лично познакомился с ним недавно. Владимир Петрович Шакало уже пять лет работает в Гродненском областном русском драматическом театре. Те из гродненцев, кто бывает в театре, знают об этом, нетеатралы, встретив актера где-нибудь на улице города, спрашивают порой: вы приехали к нам на съемки? Немудрено — кино делает актера хорошо известным, узнаваемым. Ну а актера с такими выразительными внешними данными, с таким добрым, запоминающимся лицом достаточно увидеть на экране раз, чтоб не спутать ни с кем и узнать в любой следующей роли. Не надо особенно напрягать память, чтобы отметить: чаще всего Владимиру Петровичу доводилось играть в кино людей вооруженных и лихих.

Но вот в пьесе «Дачный роман», которая готовится театром к постановке и будет показана во время летних гастролей в Витебске и Смоленске, у него роль, как Владимир Петрович сам выразился, нормального человека. Не злодей и не герой, а пожилой, без комплексов, работающий и непритворный человек, который волею случая проводит часть своего отпуска в компании с суетными, раздражительными, похожими на многих из нас людьми. Что из этого получится — увидите на сцене. На репетиции же (ее вел заслуженный артист РСФСР Леонид Рудой) я видел увлекательную и увлекательную в соавторство, в творчество работу актеров. На моих глазах они обкатывали, разминали, вылепливали, создавали будущий спектакль, словно валяли скульптуру. Они творили — такая работа.

А потом мы приехали к Владимиру Петровичу домой и, расположившись на кухне, жарили картошку, пили чай и вели беседу о житье-бытье. Я говорил за кухонным столом с человеком, бывшим и наполеоновским гвардейцем, и пугачевским бунтовщиком, и крестьянским вождем периода гражданской, и атаманом Матюхиным, и украинским националистом в Карпатах, и между многими другими ролями, солдатом Великой Отечественной. Солдатом войны, в первые дни которой судьба дала ему родиться. Был июль, сумятица, неразбериха отступления, беженцы и бомбежки, где-то на западе остался отец офицер-пограничник. С первого дня в бою — жив ли? Кривой Рог — место рождения. В Тбилиси провел раннее детство, потом жили с мамой на Украине. Шестилетним мальчишкой запомнил: вошел однажды в дом худощавый офицер двухметрового роста, в орденах, у матери и ноги подкосились. Отцовские ордена и сейчас бережет как святыню. Что ж, гордость за своих отцов, память о них и есть тот фундамент личности, на котором порядочные люди строят себя.

Когда уже сам вырос чуть не с отца ростом, звали в военное училище. Отказался. Пытались повлечь через отца, но тот не стал принуждать сына, ибо не понаслышке знал, что значит ломать себя: сам в тридцать девятым по партийному набору вынужден был менять гражданскую профессию на военную.

«Был бы уже генералом», — сказал я артисту. — «Конечно, или полковником», — совершенно серьезно ответил он. — «Но если бы не стал актером, ей-Богу, не стал бы никем, а только служителем божьим — в священники пошел бы».

Он сказал так истово, глядя прямо в глаза, что я поверил. А в те юношеские годы пошел на завод, зарабатывать производственный стаж, без которого к вузу и близко нельзя было подступиться. Так будущий актер получил квалификацию токаря, электрослесаря, работал аппаратчиком на заводе фосфатных удобрений. На этом заводе, кстати, перерабатывалась урановая руда. Молодому здоровому парню казалось в то

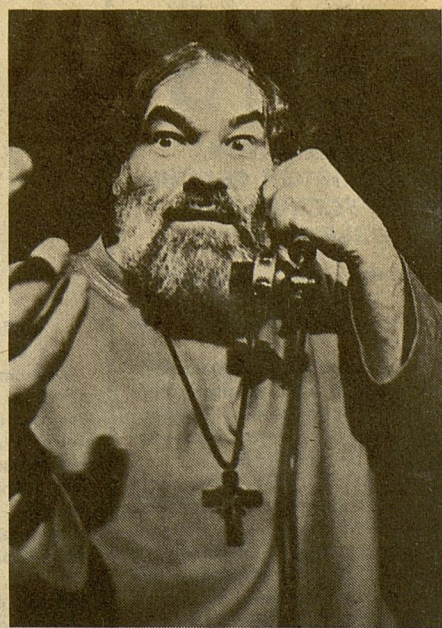
время, что таких, как он, никакая радиация не берет, однако признаки опасного соседства не замедлили сказаться. Да и сейчас тараканка откликается на здоровье.

Потом была учеба в Харькове, работа в Донецком музыкально-драматическом театре и приглашение сниматься в фильме «Ватерлоо». В альбоме актера сохранился снимок — веселый, жизнерадостный, счастливый Карабас Барабас (в детском спектакле он играл эту роль) с приколотым к бороде приглашением — так его сфотографировали друзья сразу после спектакля, как только пришло приглашение на съемки. С этого фильма, можно сказать, и началась жизнь киногероев Владимира Шакало. Для кино он оставил Киевский русский драматический театр, где работал после Донецка, и — пошли роли. «Белая птица с черной отметиной», «Белый Башлык», «Белый круг», «Легенда о Тиле», «Эскадрон гусар летучих», «По волчьему следу», «Герой ее романа» — всего, как считает сам актер, он сыграл в кино около сорока ролей. Маленьких и не очень, интересных, которые нравились самому, и таких, о которых, вспоминая, говорит: надо было хлеб зарабатывать. Но в любой, самой, может быть, незначительной на первый взгляд роли Владимир Петрович работает с полной отдачей. Характеризуя отношение В. Шакало к созданию на экране «не главных» персонажей, кинорежиссер Леонид Голованя, у которого актер снимался в фильме «Вишневы омут», писал, что Владимир Шакало «умеет сыграть отношение к другому персонажу так, что тот начинает светиться его, В. Шакало, отраженным светом».

А свет самого актера, каков он? Скажу: — добрый. Лично я воспринимал его всегда добрым человеком-великаном, каких бы он злодеев ни играл. Вот бежит со «шмайсером» истый бендеровец, готовый биться с ненавистными москалями, а заодно казнить и своих соседей-земляков... Переодетый эсэсовец, корчась в болевых судорогах, изрыгает немецкие ругательства... Скачет на коне пугачевский поп-расстрига, размахивая страшной своей дубинкой. Головы готовы крушить — такого не остановить... Хорошо сыграно, фактурно. Но вот дали крупным планом лицо... Что в нем, что в глазах? Сомнение, смятение, предчувствие муки и желание жить, человечность. Одените этого актера в любую одежду, и он сыграет нужную роль. Но посмотрите в лицо человека — во всякую минуту его глаза излучают добро. Он больше готов страдать и сострадать, чем геройствовать. Он бы мог стать страдающим, мучающимся и умирающим Христом, а ему предлагают роль римского легионера, акачивающего гвозди в руки Спасителя.

На протяжении многих лет его творческой жизни любимым героем-ролью выделялся образ отца Фивейского из повести Леонида Андреева. Это была мечта, теперь уже, можно сказать, несбыточная, ибо повесть экранизирована без его участия. А Владимиру Шакало опять пришлось приглашение с одной из киностудий сыграть роль убийцы, и он отказался. Не сразу. Мучился между естественным желанием сниматься, профессиональной необходимостью сниматься и неприятием — до тошноты опротивели злые роли. «После такой роли, — говорит он, — был бы еще десяток предложений на кинозаставку».

— Но я не могу больше, поймите меня! — выставив бороду вперед, округлив глаза, продолжая сжимать в руках кухонный нож и недочищенную картошку, он стучит себя в грудь. — Мне говорят: вот, мол, кино тебя забывает. Такое кино пусть забывает! Хватит. Я сыт этими ролями. Сколько людей в своей киножизни я перестрелял, погубил — жуть. Кому-то может показаться

смешным — это же кино. Но не до смеха, когда убийства, перестрелка, погромы, насилие заполняют еще и киноэкран. Люди на улицах, в квартирах уже не разговаривают друг с другом, чаще кричат, ненавидят друг друга. Слова доброты и сострадания, то, что особенно нужно людям, — редкость.

Сегодня в Гродненском драматическом идет «Заговор императрицы». В роли Распутина Владимир Петрович Шакало. Пьеса выбрана не случайно: уж больно схожи смутные времена той поры с нашей эпохой. Национализм, раздоры, безвластие, империя накануне своего крушения. Но есть, сохраняется, теплится, живет в сердцах надежда на благополучный исход, на здравомыслие. Хотя часто кажется, что оно уже утрачено, и бегут люди из нашего государства, со своей Родины, как из зачумленного края. Целые народы бегут...

Владимир Петрович принес конверт — послание, полученное от друга из Осетии. «Пишу в Цхинвали, но отправлено письмо будет из Орджоникидзе. Надежный человек доставит его туда, а я останусь здесь, чтоб воевать...» Дальше в письме гнев, ненависть и жажда отмщения другой национальности. Артист, художник, русский человек Владимир Петрович Шакало имеет друзей по всей стране — среди осетин и литовцев, грузин и абхазцев, украинцев и молдаван. Теперь его друзья скрестили мечи. Страшно. Владимир Петрович — заслуженный артист Абхазии. В том краю не единожды был, снимался в фильмах. Что же теперь за безумие овладело людьми? Кто сегодня может дать однозначный ответ, кто решится на серьезный прогноз нашей будущности? Неужели нет пророка в отечестве, есть только распутины?

— Ты был в гродненской синагоге? — вдруг спросил меня собеседник. — Видел, во что превратили храм? Слава Богу, теперь стали открывать церкви, костелы, но сколько лет люди воспитывались на культе насилия, разрушительства. На Гродненской площади взорван костел, наш театр также стоит на месте уничтожения храма. А вот тюрьму, унаследованную еще от царя, сохранили...

Да, все так. И трудно не согласиться с Владимиром Петровичем. Но ведь и национализм, и насилие, и религиозные распри — не в нашем веке родились, они, к сожалению, вечные спутники человеческой истории. Другое дело — терпению и взаимотерпимости надо учиться всегда.

За окном было сыро и холодно. Горизонт зареождал серые блочные коробки с чахлым лесом телеантенн. Остывал чай в чашках, а из радиоточки звучал голос Окуджавы: «Давай, брат, отремимся, давай, брат, воспарим...»

Нет, брат, наверное не у всех получится. Уж очень сильно держат нас, тянут вниз нынешние проблемы. Однако живут рядом люди, которым по силам воспарение духа, ибо они талантливы, человечней, добрее нас. И они воспарят, надеясь, что и мы, подняв взгляд, следя за ними, оторвемся от обыденности, сумеем заметить и запомнить, что есть нечто высокое, светлое.

В. САЛАСЮК.

г. Гродно.

На снимке: В. П. Шакало в роли Распутина.

Фото А. ЛУЦЕНКО.